
ТИХИЙ СЛОЙ. КНИГА 3
ЭЛЬ ФОКС
я на объекте
СТЕКЛЯННЫЙ ЧЕЛОВЕК
не жди

Эль Фокс
Стеклянный человек

https://litres.ru/74792808
SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если ложь можно увидеть?

Архитектор, построивший новый мост через реку, приходит с просьбой, похожей на бред: его жена становится прозрачной. Сквозь её ладони видна скатерть, сквозь плечо видна река, а в ночных окнах их стеклянного дома рядом с ней стоит кто-то высокий, сделанный из света, и беззвучно повторяет её слова. Архитектор уверен, что жена ему лжёт.

Мара Вейл слышит этот голос. И знает, чей он на самом деле.

Чтобы спасти женщину, которая исчезает из зеркал и фотографий, Маре придётся впервые открыть дверь самой, вопреки запрету Дориана. А за первую дверь платят всегда. Тем, чего не выбираешь.

Дориан обещает не прийти, если она позовёт. Сайлас обещает быть рядом, даже если ничего не увидит. И на середине моста, по которому ночью никто не ездит, её наконец заговорит тот, кто давно наблюдает.

Третья книга серии «Тихий слой»: мистика, любовный треугольник и дом из стекла, в котором ничего нельзя спрятать.

Содержание

Стеклянный человек 4
Глава 1. Заказ 5
Глава 2. Дом на воде 16
Глава 3. Мост Лаврина 24
Глава 4. Инга 33
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Стеклянный человек

Стеклянный человек

Эль Фокс · «Тихий слой», книга 3

Глава 1. Заказ

Кофе в медной турке сбежал на плиту в четвёртый раз за неделю.

Мара стояла над шипящей коричневой лужей и смотрела на неё с тем же выражением, с каким когда-то смотрела на подозреваемых, которые в третий раз меняли показания. Турка была новая, блестящая, с длинной деревянной ручкой. Карточка с холодильника обещала, что Мара справится быстрее, чем за три дня. Прошло две недели.

— Я вас видела, — сказала она турке. — Вы ждали, пока я отвернусь.

Турка не ответила. Мара вытерла плиту, насыпала кофе заново и встала рядом, не сводя с неё глаз, как стоят над человеком, которого нельзя оставить без присмотра.

За окном лежал снег. Декабрь пришёл в город по-настоящему: сугробы до подоконников первого этажа, белые шапки на чугунных фонарях старого моста, лёд у берегов реки, а посередине чёрная полоса воды, над которой поднимался пар. До Нового года оставалось две недели. В доме напротив кто-то уже повесил на балкон гирлянду, и она мигала по ночам красным и зелёным, мешая Маре спать.

Спала она теперь лучше. Не каждую ночь, но лучше.

Город гудел, как всегда. Мара настраивала его по утрам, пока варился кофе, и за две недели он стал ей привычен, как

бывает привычен шум моря людям, которые живут на берегу. Спальный район, где три недели назад зияла дыра, снова гудел ровно, с той же неврастенической густотой, что и раньше. На востоке, за складами, лежала тёплая глухая тишина, и Мара каждое утро смотрела в ту сторону дольше, чем нужно, и каждое утро отворачивалась.

Дориан не звонил. Мара тоже.

После скамейки у сторожки они виделись дважды. Оба раза по делу, оба раза он вёл себя так, будто ничего не было. Он учил её держать в слухе два голоса одновременно, поправлял, когда она сбивалась, варил в турке хороший кофе и ни разу не посмотрел на неё дольше нужного. Почти ни разу.

Сайлас звонил каждый вечер. Ничего не спрашивал, просто рассказывал, как прошёл день. Каждое утро он писал у себя на правой ладони её имя. Она знала это, хотя он больше не показывал.

Кофе в турке поднялся пенной шапкой. Мара сняла его с огня за секунду до того, как он перелился через край.

— Вот, — сказала она турке. — Видишь. Можем, когда захотим.

Телефон на подоконнике завибрировал.

— Вейл, — сказала Ада Линд. Она никогда не здоровалась. — Вы помните конверт?

Мара помнила. Белый, без марки, под стопкой газет на краю стола в подвале на Кожевенной. Крупные неровные

буквы: «Архив. Срочно. Я вижу жену насквозь».

— Помню.

— Он пришёл сам, — сказала Ада. — Отправитель. Сидит у меня уже час. Пьёт третью чашку кофе и смотрит на кресло отца так, будто хочет в него сесть. Я его дважды отгоняла. Приезжайте, пока он не сел.

— Кто он?

Ада помолчала. Мара слышала в трубке, как она переставляет что-то на столе, тяжёлое, со стуком.

— Архитектор, — сказала Ада. — Очень хороший. Вы видели его работу, Вейл. Каждый, кто живёт в этом городе, видел.

— Какую?

— Новый мост, — сказала Ада и отключилась.

Подвал на Кожевенной был таким же, как две недели назад. Те же сводчатые потолки, те же стеллажи с папками, та же картотека во всю стену, с латунными рамками на ящиках. Те же зелёные лампы над длинным столом в дальнем зале. Кресло в углу первого зала стояло на своём месте, и вокруг него было чисто подметено.

Рядом с креслом, на расстоянии вытянутой руки, стоял человек.

Высокий, сухой, лет пятидесяти, в дорогом сером пальто, которое он так и не снял. Седые волосы коротко острижены, на висках серебро до белизны. Очки в тонкой стальной опра-

ве. Он стоял и смотрел на кресло с выражением человека, который пять минут назад решил, что сейчас сядет, и до сих пор не понимает, почему не садится.

— Глеб Аркадьевич, — сказала Ада из дальнего зала, не поднимая головы от стола. — Если вы сядете в это кресло, я вас выгоню. Я предупреждала.

Человек вздрогнул и отступил от кресла на шаг.

— Простите, — сказал он. — Я не собирался. Просто… — Он посмотрел на кресло снова. — Хорошее кресло. Сейчас таких не делают. Вот эта линия подлокотника, видите, как она уходит в спинку? Одним движением. Это делал человек, который понимал, что такое опора.

— Это делал мебельный комбинат номер три в семьдесят восьмом году, — сказала Ада. — Вейл, это Глеб Аркадьевич Лаврин. Глеб Аркадьевич, это Мара Вейл. Она вам поможет. Кофе ей не наливайте, она привередливая.

Лаврин повернулся к Маре.

У него было лицо человека, который давно не спал и привык этого не показывать. Тонкий нос, твёрдый подбородок, глубокие складки от носа к уголкам рта. Глаза за стёклами очков светлые, внимательные, чуть воспалённые. Он протянул руку, и Мара пожала её. Рука была сухой и холодной.

Она прислушалась.

Под его голосом, под обычным шумом подвала, под щелчком кофеварки на подоконнике, звенело что-то тонкое и высокое, едва различимое, как звенит хрусталь, если провести

мокрым пальцем по краю бокала. Звон шёл от Лаврина, вернее, откуда-то рядом с ним, на полшага в сторону, будто кто-то стоял у его левого плеча и держал этот бокал.

Мара посмотрела туда. Там не было ничего. Стеллаж с папками, тень на кирпичной стене.

— Вы видите? — спросил Лаврин тихо.

— Нет.

— А слышите?

Мара помедлила.

— Да, — сказала она.

Лаврин закрыл глаза. Плечи у него опустились, будто с них сняли мешок, который он долго нёс.

— Значит, я не сошёл с ума, — сказал он. — Спасибо. Мне это было важно.

Они сели за длинный стол в дальнем зале. Ада сидела во главе, как председатель, с блокнотом и перьевой ручкой. Лаврин напротив Мары. Перед ним стояли три пустые кофейные чашки, выстроенные в ряд по росту, ручками в одну сторону. Мара отметила это. Человек, который выравнивает пустые чашки, когда нервничает.

— Расскажите ей то, что рассказали мне, — сказала Ада.

Лаврин рассказывал так, как, наверное, защищал проекты: чётко, по порядку, с цифрами. Женат двадцать два года. Жена Инга, сорок восемь лет, реставратор, работает в городском музее, восстанавливает старые витражи. Детей нет.

Дом в Заречье, на берегу реки, у самого нового моста. Дом он строил сам, по своему проекту, восемь лет назад. Стекло и сталь. Три стены из четырёх прозрачные.

— Инга хотела, — сказал он. — Она всю жизнь работает со стеклом. Говорила, хочет жить так, чтобы видеть реку из каждой комнаты. Я построил.

В сентябре он впервые увидел её насквозь.

— Буквально, — сказал Лаврин. — Я понимаю, как это звучит. Я тридцать лет работаю с конструкциями. Я знаю, что такое буквально. Она стояла у окна на кухне, утром, с чашкой, и свет падал сзади, с реки. И я увидел через её плечо реку. Не мимо плеча. Через. Как через стекло с лёгкой тонировкой. Секунду. Потом она повернулась, и всё было как обычно.

Он выровнял чашки, хотя они и так стояли ровно.

— Я решил, что устал. Тогда шёл тендер на новый проект, я спал по четыре часа. Потом это повторилось. В октябре чаще. Сейчас почти каждый день. Утром, вечером, когда она стоит против света. Руки. Плечо. Половина лица. Однажды я увидел сквозь её ладонь узор на скатерти.

— Она сама замечает? — спросила Мара.

Лаврин помолчал.

— Не знаю, — сказал он. — Я не спрашивал. Как спросить? «Дорогая, ты становишься прозрачной»? — Он коротко, невесело усмехнулся. — Она и так считает, что я слишком много работаю.

— А фигура?

Лаврин снял очки, потёр переносицу, надел обратно.

— Фигура появилась в ноябре, — сказал он. — Сначала я видел её только в отражениях. В окне вечером, когда снаружи темно и стекло работает как зеркало. Инга стоит у плиты, а в отражении рядом с ней ещё кто-то. Высокий. Прозрачный. Как будто вырезан из стекла и поставлен рядом. Я оборачиваюсь, в комнате никого. Смотрю в окно, стоит.

Он помолчал.

— И он говорит, — сказал Лаврин. — Я не слышу, но вижу, как двигаются губы. Он повторяет то, что она говорит. С задержкой. Она скажет мне что-нибудь, а через секунду в отражении он шевелит губами. Как эхо. Как будто передразнивает.

— Что она говорит?

Лаврин долго молчал.

— Неважно, — сказал он. — Обычные вещи. Что задержится в музее. Что была у подруги. Что устала.

Мара смотрела на него. На руки, на чашки, на очки. Ада во главе стола тоже смотрела на него, и Мара видела, что она думает то же самое. Неважно. Когда человек говорит «неважно» про единственное, что важно, он врёт. Или боится.

— Глеб Аркадьевич, — сказала Мара. — Вы думаете, она вам изменяет.

Лаврин вздрогнул. Потом медленно кивнул.

— Я думаю, это… — Он подбирал слова. — Я думаю, что эта штука в отражениях появилась, потому что она мне лжёт. Он повторяет её ложь. Я читал. Ада Генриховна дала мне почитать кое-что. Про то, что такие вещи рождаются из того, что не сказано. Из лжи. Я подумал: что ещё может быть? Двадцать два года вместе. Детей нет. Я много работаю. Она молодо выглядит, у неё в музее много молодых коллег. Она стала задерживаться. Стала уходить, когда звонит телефон.

Он развёл руками.

— Я не хочу знать, кто он, — сказал Лаврин. — Мне всё равно. Я хочу, чтобы она перестала исчезать. Я хочу, чтобы эта штука ушла из моего дома. Ада Генриховна сказала, вы умеете.

— Я Ада Романовна, — сказала Ада. — Генриховна была учительница из другого дела.

Лаврин посмотрел на неё растерянно.

— Простите. Я плохо сплю.

— Это заметно, — сказала Ада. — Покажите ей запись.

Лаврин достал из кармана пальто телефон. Тонкий, дорогой, в кожаном чехле. Открыл приложение домашних камер, долистал до нужного файла, положил телефон на стол экраном вверх и подвинул к Маре.

— Камера на кухне, — сказал он. — Я поставил три недели назад. Инга не знает. — Он помолчал. — Мне стыдно. Я никогда за ней не следил. Двадцать два года.

Мара посмотрела на экран.

Запись была чёрно-белая, широкоугольная, с лёгкой рыбьей кривизной по краям. Кухня. Большая, светлая, с длинной столешницей и вытяжкой из нержавейки. Задняя стена была сплошным окном, от пола до потолка, и за ним стоял вечер: чёрная вода, огни на том берегу, белая дуга моста, уходящая вверх, как струна.

В углу кадра время: 19:42, дата трёхдневной давности.

У плиты стояла женщина. Невысокая, стройная, с собранными на затылке светлыми волосами, в свободном свитере. Она что-то мешала в кастрюле, не оборачиваясь. В кадр вошёл Лаврин, в рубашке, без очков. Остановился у стола. Что-то сказал. Женщина ответила, не оборачиваясь, коротко. Он постоял, потом вышел из кадра.

Женщина осталась у плиты одна.

— Смотрите в окно, — сказал Лаврин тихо. — В отражение.

Мара смотрела.

Окно за спиной женщины было тёмным, и в нём, как в чёрном зеркале, отражалась кухня: столешница, вытяжка, свет над плитой, спина женщины. И рядом с её отражением, у левого плеча, стоял кто-то ещё.

Высокий, на голову выше её. Узкий. Его почти не было видно: контур, блик, лёгкое искажение света, как бывает, когда смотришь на мир через толстое стекло графина. Если бы Лаврин не сказал, куда смотреть, Мара решила бы, что это

брак записи. Но фигура была. Плечи. Голова. Тонкие длинные руки, опущенные вдоль тела. Лица не было, только гладкий овал, в котором преломлялись огни моста за окном.

Женщина у плиты взяла ложку, попробовала, добавила соли.

Фигура в отражении шевельнулась. Наклонила голову к её плечу, как наклоняются, чтобы сказать что-то на ухо.

И Мара услышала.

Звука на записи не было, Лаврин выключил его, или камера не писала звук. Мара услышала по-другому, тем слухом, которым слышала дом Марчей и школьную тишину. Звон, тот самый, тонкий, хрустальный. И сквозь звон голос. Ломкий, высокий, будто говорили через стекло, а стекло дрожало от каждого слова.

Голос был мужской.

«Я на объекте».

Мара не шевельнулась.

Фигура в отражении выпрямилась. Женщина у плиты выключила конфорку и накрыла кастрюлю крышкой. Фигура снова наклонилась к её плечу.

«Я на объекте. Не жди. Я на объекте».

Голос был тот же. Сухой, чёткий, чуть уставший. С той интонацией, с которой люди произносят фразу, сказанную сотни раз и давно переставшую что-то значить. Мара слышала этот голос двадцать минут назад, когда он говорил про линию подлокотника, уходящую в спинку одним движением.

Она подняла глаза от телефона.

Лаврин сидел напротив, сложив руки на столе, и смотрел на неё. С надеждой. С тем выражением, с каким смотрят на врача, который только что посмотрел снимок.

— Вы что-нибудь слышите? — спросил он. — Что он говорит? Я двадцать раз пересматривал. Я не могу прочитать по губам. Что она мне врёт?

Мара смотрела на него.

Ада во главе стола отложила перьевую ручку. Очень тихо, будто боялась спугнуть. Она смотрела не на Лаврина. На Мару.

На экране телефона, в чёрном зеркале окна, стеклянная фигура медленно повернула гладкий безликий овал. От женского плеча. К камере.

Прямо в объектив.

Глава 2. Дом на воде

Лаврину Мара ничего не сказала.

Она смотрела на него через стол, на очки в стальной оправе, на три пустые чашки, выстроенные по росту, и понимала, что не может сказать «это вы». Жалость была ни при чём. Она не знала, что будет дальше. Если тихий родился из его лжи, а он сам ещё не знает, что лжёт так громко, что его ложь обросла стеклом и встала рядом с женой, что он сделает, когда узнает? Испугается и признается? Или начнёт лгать ещё больше, чтобы закрыть то, что уже открылось?

В доме Марчей Мара однажды надавила на Лидию раньше времени. Закончилось это ледяным полом гаража и словами Дориана: «Вы сейчас такая же».

— Мне нужно увидеть дом, — сказала она. — И вашу жену. Своими глазами.

Лаврин кивнул так быстро, будто ждал именно этого.

— Завтра суббота, — сказал он. — Инга дома. Я скажу ей… — Он замялся. — Я что-нибудь придумаю.

Ада во главе стола тихо фыркнула и ничего не сказала.

Когда Лаврин ушёл, она долго смотрела на закрытую дверь. Потом сказала, не оборачиваясь:

— Вы ему не сказали.

— Нет.

— А что сказал тот, в отражении?

Мара помолчала.

— «Я на объекте», — сказала она. — Его голосом.

Ада закрыла блокнот.

— Ну конечно, — сказала она. — Они всегда приходят ко мне с вопросом «что от меня скрывают». Ни один ещё не пришёл с вопросом «что скрываю я».

Дом Лавриных стоял на высоком берегу в Заречье, в двух сотнях метров от нового моста. Мара видела его раньше, издалека, из окна Сайласа: белая коробка над рекой, светящаяся по вечерам, как фонарь. Вблизи он оказался больше и страннее.

Стены были из стекла. Три из четырёх, от пола до плоской крыши, огромные цельные полотна в тонких стальных рамах. Четвёртая, обращённая к дороге, была глухой, бетонной, серой, без единого окна. Будто дом повернулся к городу спиной, а лицом к реке.

Над домом белой дугой поднимался новый мост. Отсюда, снизу, он казался бесконечным: тросы уходили вверх веером и пропадали в низком декабрьском небе.

Лаврин встретил её у глухой бетонной стены, где была дверь. В свитере, без пальто, с тем же лицом человека, который не спал.

— Я сказал ей, что вы из института строительной акустики, — сказал он вполголоса. — Что дом звенит, и я пригласил специалиста. Он правда звенит. Иногда по ночам. Я ду-

мал, это стекло на морозе.

Мара посмотрела на него.

— Хорошо, — сказала она.

Она шагнула за ним через порог, и звон обрушился на неё.

В подвале у Ады он был едва различим, тонкий, как звук мокрого пальца по краю бокала. Здесь он был везде. В стёклах, в стальных рамах, в стеклянных полках на кухне, в люстре из стеклянных трубок над обеденным столом. Он дрожал в воздухе, как дрожит воздух над асфальтом в жару. Высокий, ломкий, непрерывный. Мару будто посадили внутрь огромного хрустального бокала и всё время стучали по нему ложечкой.

Она остановилась в прихожей и сжала в кармане камень. Камень был тёплым.

Дом был красивым. Мара поняла это сразу, сквозь звон. Белые бетонные полы, тёплые от подогрева. Деревянная лестница без перил, ступени висели в воздухе, вделанные одним концом в бетонную стену. Огромная гостиная, переходящая в кухню, переходящая в мастерскую в дальнем конце. И везде река. Серая, широкая, с белыми закраинами льда у берегов. Она была за каждым окном, в каждой комнате, будто дом стоял не на берегу, а прямо на воде.

В мастерской за длинным столом сидела женщина.

Она склонилась над чем-то, разложенным на белой ткани, в очках-лупах на лбу, с тонкой кисточкой в руке. Перед ней

на столе лежал витраж. Старый, в свинцовых переплётах, частично разобранный. Красные, синие, жёлтые куски стекла, разложенные рядами, как кусочки мозаики. Свет из окна падал сквозь них на белую ткань цветными пятнами.

— Инга, — сказал Лаврин. — Это Мара. Из института акустики. Я тебе говорил.

И в ту же секунду звон в доме изменился.

Он стал громче, на полтона выше, будто кто-то сильнее нажал на край бокала. И в звоне, совсем рядом, у левого плеча женщины за столом, ломкий мужской голос повторил:

«Из института акустики».

Мара посмотрела на окно за спиной Инги. Днём стекло почти ничего не отражало, слишком светло. Но там, где на стекле лежала тень от стальной рамы, в узкой тёмной полосе, на долю секунды мелькнул контур. Высокий, узкий. Мелькнул и пропал.

Инга подняла голову и сдвинула очки-лупы на макушку.

У неё было тонкое, умное лицо с острыми скулами и светлыми, почти прозрачными серыми глазами. Светлые волосы, собранные на затылке небрежным узлом, из которого торчал карандаш. Морщинки в уголках глаз, какие бывают у людей, которые много смеются или много щурятся над мелкой работой. Она посмотрела на Мару внимательно, сверху вниз и обратно.

Рука, державшая кисточку, лежала на белой ткани, в полосе света от окна. Мара смотрела на неё. Кончики пальцев, до

первой фаланги, были прозрачнее остальной кожи. Сквозь них просвечивало синее пятно от витражного стекла на ткани.

— Здравствуйте, — сказала Инга. — Хотите кофе? Глеб варит отвратительный, но у меня есть турка.

Кофе Инга варила сама, в маленькой медной турке, такой же, как у Мары дома, только старой, потемневшей. Варила и не отходила от плиты, и кофе не сбежал. Мара смотрела на это с профессиональной завистью.

— Как вы это делаете? — спросила она.

— Что?

— Чтобы не сбежал.

Инга улыбнулась краем рта.

— Не отворачиваться, — сказала она. — Кофе сбегает, только когда на него не смотрят. Как мужья.

Лаврин у окна гостиной сделал вид, что не услышал.

Они пили кофе за длинным столом у окна. Лаврин сидел напротив жены, Мара сбоку. Звон в доме не прекращался ни на секунду. Он то усиливался, то затихал, и Мара, прислушиваясь, начала замечать закономерность.

Когда говорила Инга, звон был ровным. Фоновым. Как гул холодильника.

Когда говорил Лаврин, звон взлетал.

Не всегда. Не на каждой фразе. Лаврин сказал: «Кофе хороший». Звон не изменился. Лаврин сказал: «Мы построили

этот дом восемь лет назад». Звон не изменился. Лаврин сказал: «Мара сейчас походит по дому, послушает стёкла, это займёт час». Звон дрогнул и взлетел, и у левого плеча Инги ломкий мужской голос повторил: «Это займёт час».

Инга подняла руку, чтобы поправить выбившуюся прядь.

Мара смотрела на эту руку. В полосе света от окна кончики пальцев были прозрачными. Теперь не до первой фаланги. До второй. Мара видела сквозь них серое небо над рекой.

Инга опустила руку на стол. Посмотрела на неё. На секунду, на одну долгую секунду, её лицо стало очень спокойным. Так спокойно смотрят на что-то, что видели уже много раз и решили не замечать.

Потом она убрала руку под стол.

— Глеб говорит, дом звенит по ночам, — сказала она Маре. — Я не слышу. Он говорит, это стекло. Я двадцать пять лет работаю со стеклом. Стекло так не звенит.

— А как? — спросила Мара.

Инга подумала.

— Стекло звенит, когда его вот-вот разобьют, — сказала она. — Перед самым ударом. Иногда я слышу, как витраж звенит у меня на столе за секунду до того, как я уроню на него пинцет. Всегда за секунду. Как будто оно знает.

Она посмотрела на мужа. Лаврин смотрел в окно.

Лаврин водил её по дому сам.

Спальня на втором этаже, на висячей лестнице без перил, где у Мары от каждого шага замирало сердце. Две стеклян-

ные стены, кровать, развёрнутая к реке. Кабинет Лаврина, заваленный чертежами и макетами из белого картона. Гостевая комната. Ванная, где даже душевая кабина была из толстого рифлёного стекла.

Звон шёл за ними из комнаты в комнату. Мара слушала и молчала. Лаврин шёл впереди и тоже молчал. На пороге кабинета он остановился.

— Вы что-нибудь слышите? — спросил он. — Сейчас?

— Да.

— Что?

Мара посмотрела на него.

Она могла сказать ему сейчас. Здесь, в кабинете, вдали от жены. Сказать: вас. Я слышу вас. Каждый раз, когда вы ей врёте, ваша ложь встаёт рядом с ней из стекла и повторяет, и она исчезает. Ещё немного, и она станет как это окно.

Она видела, как он смотрит. С надеждой, с усталостью, с той готовностью услышать что угодно, кроме правды, которая бывает у людей, пришедших к врачу с уже поставленным самим себе диагнозом.

— Звон, — сказала Мара. — Пока только звон.

Лаврин кивнул. Разочарованно и с облегчением одновременно.

И тут Мара услышала голос.

Тот же голос, ломкий, стеклянный, из-за спины, из глубины дома, оттуда, где была кухня. Он говорил медленно, отчётливо, как говорят фразу, которую произнесут сейчас, че-

рез несколько секунд, и знают это заранее.

«Я сегодня задержусь. У нас сдача. Не жди».

Мара обернулась. За её спиной был пустой коридор и стеклянная стена, за стеклянной стеной река.

Лаврин стоял на пороге кабинета и смотрел на неё. Он ничего не слышал.

У него в кармане завибрировал телефон.

Он достал его, посмотрел на экран. Мара видела, как изменилось его лицо. Совсем немного: что-то в нём собралось, подтянулось, стало деловым и закрытым, как закрывается дверь кабинета. Он не стал отвечать. Сбросил вызов. Убрал телефон в карман.

— Простите, — сказал он. — Работа.

Он развернулся и пошёл вниз по висячей лестнице. Мара пошла за ним.

На кухне Инга мыла чашки. Стояла у раковины спиной к ним, лицом к стеклянной стене и реке. Лаврин остановился у стола. Помолчал.

— Инга, — сказал он. — Я сегодня задержусь. У нас сдача. Не жди.

Мара смотрела на руки Инги в раковине, в мыльной воде, в полосе серого дневного света от реки.

Они были прозрачными до запястий.

Глава 3. Мост Лаврина

Сайласу она рассказала в тот же вечер. Всё, с начала: конверт, подвал Ады, запись с камеры, мужской голос в отражении, руки Инги в мыльной воде.

Они сидели в его машине у её подъезда. Мотор работал, печка гудела. На заднем сиденье лежал Барон, рыжий, лохматый, и смотрел на Мару с выражением глубокой личной обиды: она заняла его место спереди.

— Сосед опять в больнице, — сказал Сайлас, перехватив её взгляд. — На неделю. Барон говорит, что больше не может оставаться один, у него от этого экзистенциальный кризис. Я ему верю.

Барон тяжело вздохнул и положил морду на спинку переднего сиденья, у самого Мариного уха. От него пахло снегом и собакой.

Сайлас слушал не перебивая. Когда она закончила, долго смотрел на заснеженную улицу за лобовым стеклом, на трещину, которая доползла уже почти до середины.

— Значит, врёт он, — сказал Сайлас. — А думает, что она.

— Да.

— И эта штука стоит рядом с ней, потому что он врёт ей.

— Да.

— И от каждой его лжи она становится прозрачнее.

— Да.

Сайлас помолчал.

— Ну, — сказал он. — Это, по крайней мере, логично. Впервые за два месяца что-то в этих ваших делах логично. Врёшь человеку, он для тебя исчезает. Я бы и без стеклянных мужиков так сказал.

Он достал телефон.

— Лаврин Глеб Аркадьевич, — сказал он, набирая. — Архитектурное бюро?

— «Лаврин и партнёры». На Набережной в Заречье.

— Сдача у них сегодня, говоришь?

— Он так сказал жене.

Сайлас кивнул, не отрываясь от экрана. Барон лизнул Мару в ухо. Она вытерла ухо рукавом.

— Дай мне до завтра, — сказал Сайлас.

Он позвонил в десять утра.

— Я капитан полиции, а не частный детектив, — сказал он вместо приветствия. — Поэтому я сделал всё за два часа, а не за неделю. Записывай. Никакой сдачи у них вчера не было. Последний проект бюро сдало в начале декабря, следующий в марте. Я позвонил их секретарю как налоговая. Она очень любезная девушка и очень боится налоговой.

— А что было вчера?

— Вчера Лаврин ушёл из бюро в шесть вечера. Машина у него приметная, тёмно-синяя, немецкая, с номером, кото-

рый заканчивается на «777», он, видимо, суеверный. Камеры на въездах в «Речной квартал» её фиксируют. Вчера въехала в 18:40, выехала в 23:15. Позавчера то же самое. Три раза за последнюю неделю.

— Что такое «Речной квартал»?

— Новый жилой комплекс в двух километрах от его бюро. Знаешь, кто там живёт?

Мара ждала.

— Белкина Дарья Сергеевна, — сказал Сайлас. — Тридцать один год. Архитектор. Работает в бюро «Лаврин и партнёры» четыре года. Квартиру купила два года назад, и ипотеку ей помог получить работодатель. Поручительство. Угадай чьё.

Мара помолчала.

— Сайлас.

— Да.

— Ты страшный человек.

— Я тебе это пять лет говорил, — сказал Сайлас. — Ты не верила.

В понедельник Мара поехала в бюро. «Лаврин и партнёры» занимали два верхних этажа старого кирпичного склада на Набережной в Заречье, перестроенного под офисы. Высокие потолки, открытые балки, огромные окна в чугунных рамах. Всё белое и деревянное. Люди за длинными столами с мониторами говорили вполголоса, как в библиотеке.

Лаврин встретил Мару у лифта. Он был в костюме, в той же стальной оправе, и выглядел так, будто спал ещё меньше, чем вчера.

— Вы сказали, что нужно поговорить не дома, — сказал он. — Пойдёмте ко мне.

Его кабинет был стеклянным кубом в углу этажа. Стеклянные стены, стеклянная дверь, через которые было видно весь офис. Мара вошла и сразу услышала звон. Здесь он был тише, чем в доме на воде. Но он был. Мара огляделась, ища отражение.

И остановилась.

Посреди кабинета, на отдельном столе, стоял макет моста.

Огромный, больше метра длиной, из белого пластика и тонкой стальной проволоки. Каждый трос был натянут отдельно, каждая опора вылеплена с ювелирной точностью. Внизу, под пролётами, синяя прозрачная пластина изображала реку. На берегу, совсем маленький, стоял белый кубик: дом на воде.

Мара узнала этот мост сразу. Белая струна над рекой, которую она видела из окна Сайласа и с которой месяц назад, на старом мосту, отворачивалась, сама не зная почему.

— Это мой лучший проект, — сказал Лаврин у неё за спиной. — Двенадцать лет назад. Я выиграл международный конкурс. Двадцать восемь вариантов из девяти стран, а взяли мой.

Он подошёл к макету и провёл пальцем по верхнему тро-

су, не касаясь.

— Вы знаете, что ночью по нему никто не ездит? — спросил он.

— Знаю.

— А почему, знаете?

Мара помолчала.

— Говорят, примета плохая.

Лаврин улыбнулся. Невесело.

— Примета, — повторил он. — Два года назад я был на мосту ночью. Плановая проверка натяжения тросов, мы её проводим раз в год, ночью, когда нет движения. Я поехал сам, мне нравится. Инженеры внизу, у опор, с приборами. А я пошёл наверх, на середину пролёта. Смотреть на город. Было около трёх часов ночи.

Он замолчал. Мара ждала.

— Там кто-то стоял, — сказал Лаврин. — На середине. У перил. Человек в длинном пальто и шляпе. Я подумал: бездомный, или кто-то, кто хочет прыгнуть. Пошёл к нему. А он стоял и смотрел вниз, на воду. Под мостом горят фонари, вода в них хорошо видна. Я посмотрел вниз, куда он смотрел. В воде отражались фонари, тросы, перила. Я. А его не было.

Лаврин опустил руку.

— Я остановился. Он повернул голову. Лица я не видел, только шляпу. А потом я моргнул, и его не стало. Я дошёл до того места. На снегу на перилах был отпечаток руки. Только одной. И больше ничего. Ни следов, ни отпечатков на тро-

туаре. Как будто он там стоял всегда, с самого начала.

Он посмотрел на Мару.

— Я никому не рассказывал, — сказал он. — Ни Инге, ни инженерам. Вы первая. Наверное, потому что вы единственная, кто не сочтёт меня сумасшедшим.

Мара смотрела на макет. На крошечные перила на середине пролёта.

— Больше вы его не видели? — спросила она.

— Нет. Но я с тех пор ночью по мосту не езжу. — Лаврин снова улыбнулся. — Видите, я тоже суеверный. Номер на машине три семёрки.

В дверь кабинета постучали.

На пороге стояла молодая женщина. Высокая, тонкая, с короткой тёмной стрижкой, в чёрном свитере с высоким воротом. В руках у неё была папка с чертежами и картонный стаканчик кофе.

— Глеб Аркадьевич, — сказала она. — Я вам кофе принесла. И правки по фасаду, вы просили до обеда.

Лаврин не посмотрел на неё. Взял папку, взял кофе.

— Спасибо, Даша, — сказал он ровно. — Положите на стол.

Она положила. Задержалась на секунду. Посмотрела на Мару. Быстро, оценивающе, с тем выражением, с каким женщины смотрят на других женщин в кабинете мужчины, который им небезразличен.

Потом вышла и закрыла за собой стеклянную дверь.

Лаврин поставил кофе на угол стола, рядом с макетом моста. Не отпил.

Звон в кабинете стал громче. На полтона, на секунду. Мара посмотрела в стеклянную стену, отделявшую кабинет от офиса. Днём стекло почти не отражало, но там, где за ним стоял тёмный стеллаж с папками, в тёмном прямоугольнике мелькнул контур. Высокий, узкий. Он стоял рядом с отражением Лаврина. На этот раз у его собственного плеча, а не у плеча Инги в доме на воде.

Он наклонил гладкий безликий овал к его уху.

«Спасибо, Даша. Положите на стол».

Мара перевела взгляд на самого Лаврина. Он смотрел на макет моста и, кажется, ничего не слышал.

Она сжала в кармане камень.

— Глеб Аркадьевич, — сказала она. — Последний вопрос. Где вы были вчера вечером?

Лаврин поднял глаза.

— На сдаче, — сказал он. — Здесь, в бюро. До одиннадцати.

Звон взлетел так, что Мара поморщилась. В тёмном прямоугольнике стекла контур дёрнулся, поплыл, исчез. Где-то в нескольких километрах отсюда, в доме на воде, подумала Мара, Инга сейчас стоит у окна, и свет проходит сквозь неё ещё немного свободнее.

— Спасибо, — сказала Мара.

Сайлас ждал её внизу, в машине. Барон на заднем сиденье встретил её радостным лаем и попытался перелезть вперёд. Сайлас поймал его за ошейник, не глядя.

— Ну? — спросил он.

Мара села. Закрыла дверь. Печка дула в лицо горячим воздухом.

— Она приносит ему кофе, — сказала Мара. — Он не смотрит на неё. Специально не смотрит. Я видела, как она на меня посмотрела.

Сайлас кивнул.

— А он что?

— А он сказал мне, что вчера был на сдаче до одиннадцати.

— Ну конечно. — Сайлас завёл мотор. — Как твой учитель, кстати?

Вопрос прозвучал легко, между делом. Мара смотрела на дорогу.

— Нормально, — сказала она.

Сайлас кивнул и вырулил на Набережную. Он больше ничего не спросил. Мара смотрела в окно на белую дугу нового моста над рекой и думала о скамейке у сторожки, о камне, выскользнувшем из пальцев в снег, о том, что «нормально» тоже ложь. Маленькая. Совсем маленькая. Такая, из которой ничего не вырастет.

Они остановились на светофоре. Сайлас побарабанил

пальцами по рулю. На тыльной стороне правой руки, у основания большого пальца, из-под рукава куртки выглядывали синие буквы.

— В общем, так, — сказал Сайлас, глядя на красный свет. — Я проверил и её тоже, Ингу. На всякий случай. Музей, где она работает. Подруги. Звонки, насколько можно без ордера. Чисто. Она ходит на работу и с работы. По субботам к матери в дом престарелых. По средам в бассейн. Всё.

Свет сменился на зелёный. Сайлас тронулся.

— У жены никого нет, — сказал он. — У него есть.

Глава 4. Инга

Реставрационные мастерские городского музея находились в подвале, под залами, где висели портреты купцов и стояли под стеклом старые самовары. Мара спустилась туда по узкой лестнице с табличкой «Посторонним вход воспрещён», которую охранник наверху посоветовал ей не замечать.

— Вы к Инге Андреевне? — спросил он, глядя на Мару поверх газеты. — Идите. Она всё равно никого не слушается. Даже директора.

Внизу пахло олифой, скипидаром, старым деревом и пылью. Длинный коридор, двери по обе стороны. За одной кто-то шкурил раму, за другой гудел вытяжной шкаф. Дверь в конце коридора была приоткрыта, и из неё падал на пол цветной свет.

Красный, синий, жёлтый, зелёный. Пятнами, как будто кто-то пролил на бетонный пол краску.

Мара толкнула дверь.

Мастерская была узкой и длинной. Под потолком горели лампы дневного света, но главный свет шёл не от них. Вдоль дальней стены стоял световой стол, огромный, во всю длину комнаты, с матовой стеклянной столешницей, подсвеченной изнутри. На нём лежал витраж. Тот самый, что Мара видела в доме на воде, только теперь почти собранный. Святой

с нимбом, в красном плаще, с поднятой рукой. Над ним синее небо из сотни мелких осколков. Под ним зелёная трава и жёлтые цветы.

Свет проходил сквозь стекло снизу вверх и ложился на потолок, на стены, на лицо женщины, которая склонилась над столом, цветными пятнами.

Инга подняла голову. Очки-лупы на лбу. Карандаш в волосах.

— Акустик, — сказала она. — Я так и думала, что вы придёте.

Она не стала спрашивать, зачем Мара пришла. Сварила кофе в электрической турке на подоконнике, налила в две чашки с отбитыми ручками, одну протянула Маре, вторую поставила на край светового стола, подальше от витража.

— Вы ведь не акустик, — сказала она.

— Нет.

— Я поняла ещё в субботу. Акустики так не смотрят. Вы смотрели на мои руки, а не на стёкла. — Инга отпила кофе. — Вы из полиции?

— Была. Давно.

— А сейчас?

Мара подумала.

— Сейчас я слышу то, чего не слышат другие, — сказала она. — Ваш муж это знает. Поэтому он меня позвал.

Инга долго смотрела на неё поверх чашки. Потом кивну-

ла, будто именно такого ответа и ждала.

— Значит, он тоже это видит, — сказала она. — Я думала, только я.

— Что видите?

Инга поставила чашку. Протянула руку над световым столом и положила ладонь на стекло, прямо на красный плащ святого.

Свет пошёл сквозь неё.

Мара видела, как красный свет от стекла поднимается через пальцы Инги, через ладонь, через запястье, как через тонкую цветную плёнку, и ложится на потолок красным пятном в форме руки. Кожа светилась изнутри, как светятся пальцы, если прижать к ним фонарик. Только фонарик светит розовым. А сквозь Ингу шёл тот цвет, который был под ней. Красный от плаща. Синий от неба, когда она сдвинула руку на два сантиметра. Зелёный от травы.

Она сдвигала руку по витражу, медленно, как пианист по клавишам, и на потолке над ними плыли цветные ладони.

— С сентября, — сказала Инга, не отрывая глаз от своей руки. — Сначала чуть-чуть, на кончиках пальцев. Я думала, свет так падает. Потом больше. Сейчас вот так. По утрам ещё ничего, к вечеру хуже. — Она убрала руку со стекла. Посмотрела на неё. Обычная рука, сухая, с короткими ногтями, с пятнышком засохшей краски на большом пальце. — Без света незаметно.

— Вы говорили врачу?

Инга засмеялась. Коротко и без веселья.

— И что я скажу? «Доктор, я просвечиваю»? Он пропишет мне таблетки. И будет прав. Я бы на его месте тоже прописала.

Они пили кофе. Инга рассказывала про витраж, про святого, про церковь в деревне за городом, откуда витраж сняли в девяносто третьем и тридцать с лишним лет держали в сарае, про то, как она восстанавливает каждый осколок отдельно, подбирая стекло того же оттенка. Она говорила легко, умно, с удовольствием, и Мара слушала её и думала, что Инга ей нравится. Нравится по-настоящему, как мало кто нравился ей за последние годы.

Потом Инга замолчала посреди фразы. Посмотрела на свою чашку.

— Он думает, что у меня кто-то есть, — сказала она. — Глеб.

Мара не ответила.

— Я знаю, что он так думает. Я вижу, как он на меня смотрит. Как будто ищет на мне чужие отпечатки пальцев. — Инга улыбнулась краем рта. — Глеб думает, что я ему изменяю. Глеб думает, что у меня есть на это время. Я встаю в шесть, в восемь здесь, в шесть вечера домой, в субботу к маме в пансионат, она меня не узнаёт, но я всё равно езжу. В среду бассейн, потому что спина. Когда мне изменять, скажите? В бассейне?

Мара невольно улыбнулась.

— А он? — спросила она.

Инга посмотрела на неё. Улыбка с её лица медленно ушла.

— А он на объекте, — сказала она.

Она произнесла это ровно, спокойно, без всякой интонации. Как цитату. Как фразу, которую слышала столько раз, что выучила наизусть со всеми паузами и ударениями.

Звон в мастерской взлетел.

Мара услышала его так отчётливо, что вздрогнула. Он шёл отовсюду: от витража на столе, от стёкол в оконной раме под потолком, от стеклянных банок с растворителями на полках. И в нём, совсем рядом, у левого плеча Инги, мужской ломкий голос повторил, как эхо, как передразнивая:

«Я на объекте».

Инга не вздрогнула. Не обернулась. Она сидела, держа в обеих руках чашку с отбитой ручкой, и смотрела в кофе.

— Двадцать два года, — сказала она тихо. — Двадцать два года я знаю, когда он врёт. У него голос становится чуть суше. Как будто он диктует письмо. Он думает, что я не замечаю. Я всегда замечаю. — Она помолчала. — Я просто не спрашиваю. Если не спрашивать, он не врёт мне в лицо. Он врёт воздуху. Так проще. Нам обоим.

Она подняла голову и посмотрела на Мару.

— Это ведь из-за этого, да? — спросила она. — То, что со мной. Это из-за него?

Мара долго молчала.

Она могла сказать «да». Так было бы честно. Инга бы поняла. Инга поняла уже сама, давно, может быть, раньше всех. Но если сказать ей сейчас, что дальше? Она поедет домой. Глеб придёт с «объекта» в одиннадцать. Она спросит. Он соврёт.

И она станет ещё прозрачнее.

— Я не знаю, — сказала Мара. — Пока не знаю.

Инга посмотрела на неё долгим взглядом. Потом кивнула и снова уставилась в кофе.

Звон в мастерской не стих. Он висел в воздухе, тонкий, высокий, и Мара вдруг поняла, что звенит и от её собственных слов. Совсем чуть-чуть. Но звенит.

Перед уходом Мара попросилась в туалет. Инга махнула рукой в сторону коридора.

— Вторая дверь налево. Кран течёт, не обращайте внимания. Его чинят с две тысячи девятнадцатого.

Туалет был крошечным, с советским кафелем в цветочек, с раковиной в рыжих потёках и зеркалом над ней. Зеркало было старым, с потемневшей амальгамой по краям, будто его облили чаем. Кран и правда тёк, ровной тонкой струйкой.

Мара мыла руки и смотрела на себя в зеркало. Худое лицо. Тёмные круги под глазами, уже не такие тёмные, как месяц назад. Короткая стрижка, отросшая за зиму. Она подумала, что надо подстричься, и тут же забыла.

Дверь у неё за спиной открылась.

— Простите, — сказала Инга. — Я на минуту. У меня руки в олифе, а у нас тут одна раковина на весь этаж.

Она встала рядом с Марой, плечом к плечу, в тесном туалете, и протянула руки под струю. Олифа была на пальцах, жёлтая, липкая. Инга тёрла её куском хозяйственного мыла.

— Директор обещал новую раковину к Новому году, — сказала она. — Какому году, не уточнил.

Мара засмеялась. Посмотрела в зеркало, чтобы улыбнуться Инге в отражении, как улыбаются людям, стоящим рядом.

В зеркале была только она.

Мара стояла у раковины. Её лицо, её плечи, её мокрые руки под краном. Справа от неё, там, где стояла Инга, плечом к плечу, было пустое место. Кафель в цветочек. Край двери. Вешалка с чьим-то халатом.

Струя воды из крана падала в раковину. В зеркале она падала мимо, в пустоту, и разбивалась о рыжий фаянс, и брызги летели на руки, которых там не было.

Мара медленно повернула голову.

Инга стояла рядом. Настоящая, живая, тёплая. Она смотрела вниз, на свои руки, и тёрла пальцы мылом, и что-то говорила про директора, про раковину, про бюджет.

Мара снова посмотрела в зеркало.

Пусто. Только кран, только вода, только мыло, которое двигалось само по себе, вверх-вниз, вверх-вниз, будто его тёр кто-то невидимый.

— Что? — спросила Инга. Она подняла голову. — У меня

что-то на лице?

Она посмотрела в зеркало, чтобы проверить. Так смотрят все, кто спрашивает, не испачкано ли лицо: быстро, привычно, мимоходом.

Мара видела, как Инга смотрит в зеркало. Как её глаза находят отражение Мары. Как скользят вправо, туда, где должна быть она сама.

Инга замерла с мылом в руках.

Вода текла. Кран стучал. Где-то за стенкой гудел вытяжной шкаф.

Инга долго смотрела на пустое место рядом с отражением Мары. Потом аккуратно положила мыло в мыльницу, выключила воду, вытерла руки о полотенце на крючке. Медленно, тщательно, каждый палец.

— Ну вот, — сказала она тихо, ни к кому не обращаясь. — Вот и всё.

Она повесила полотенце обратно на крючок и вышла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.